

М. М. Позднев
«ПЛАТОН ОБ АРИСТОТЕЛЕ»
ПОСЛЕСЛОВИЕ

Φίλος μὲν ὁ ἀνὴρ, φίλη δ' ἡ ἀλήθεια
Vita Aristotelis Marciana

Автор статьи, А.И. Доватур (1897–1982), усвоил от учителей и передал ученикам метод, воспринятый исследователями Древней Греции у нее самой: работать над античным материалом, чтобы высказать новое — не безответственно, но подлинно новое, доказанное пониманием языка, знанием исторического контекста, исследовательской традиции. Если новое не возникло или недоказуемо, довольствуйся чтением. Здесь принцип, в огласовке Аристида Ивановича — *πρэнσίπ*, «веселой науки». Нетленной осталась его живость, чарующим юмор (с такой-то биографией! ведь он прославлен и в русском мартирологе железного века). Свойственные одному ему интонации редко слышны в его работах, писанных научным, не повествовательным стилем, слышнее в мемуарах, и само по себе показательно, что многие ученики так любовно вспоминают о нем. Главный же, и неисчерпаемый, источник — образ Доватура в петербургском академическом фольклоре.

Сборник «Вопросы античной литературы и классической филологии» (М., 1966), где помещена статья, расцениваем как документ развития русской науки шестидесятых: М.Л. Гаспаров публикует стиховедческую работу, С. С. Аверинцев пишет о Плутархе. Двумя годами старше докторская диссертация Доватура; в 1965 вышла монография ««Политика» и «Политии» Аристотеля», где высказана следующая, быть может, ценнейшая из идей автора. В четвертой книге «Политики» упомянут некий властитель, «давший убедить себя» в необходимости установить повсеместно «средний» государственный строй (*Pol.* 1296a38). По правдоподобной догадке А. И. Доватура, Аристотель говорит об

Александре и о своих уроках. Отсылка к деятельности реформатора сообщает последним книгам «Политики», посвященным идеальному государству, обаяние историзма. Кн. VII–VIII авторитетные комментаторы относят к раннему периоду — годам в Академии. Следуя своей теории, А. И. видит своеобразие проекта Аристотеля в его гипотетической осуществимости. Планируя безупречный город, философ мысленно сопровождает Александра в персидском походе: дан совет тщательно выбирать место (*Pol.* 1326b26); правящий класс формируется из бывших воинов, чьими подданными станут земледельцы-варвары (*Pol.* 1329a25). Теория Доватура объясняет незавершенность «Политики»: законодатель следил за ходом эксперимента. Объяснима и литературная обработка: часть об идеальном государстве планировалось издать, ей готовилась ответственная роль практического руководства.

Проблематика, занимавшая тогда ученого, интересна философам, привычно занятым конфликтом профессий: в силах ли историко-филологический комментарий пояснять философию Аристотеля, а философский дискурс — служить биографическим свидетельством? Предмет публикуемой статьи, не самой известной (доклад А.И. на кафедре классической филологии СПбГУ, руководимой докладчиком, по воспоминаниям, вызвал разные отклики), интригует: отзыв Платона о гениальном ученике — эпизод того позднеантичного жизнеописания Аристотеля, к которому по разным ветвям восходят венецианская *Vita Marciana* (греческая рукопись ок. 1300 г.) и *Vita Aristotelis Latina*. Данная биография полнее Диогеновой, содержит апофтегмы, вошедшие в учебники (ex. gr. «не дам афинянам дважды погрешить против философии»), и очень стремится помирить Аристотеля с Платоном. Причем — за счет самостоятельности первого: «даже там, где он противоречит Платону, мы скажем, что он платоничен» (καὶ ἐν οἷς ἀντιλέγει Πλάτωνι πλάτωνίξειν αὐτὸν φήσομεν). Важная задача — представить Аристотеля старательным, слишком старательным учеником, «проявлявшим в учении у Платона такое прилежание, что его дом называли домом читателя; Платон часто так и говорил: пойдем, дескать, в дом читателя; когда же тот отсутствовал на лекции, восклицал: Ум отсутствует, аудитория глуха!» Аристотель читал, чтобы лучше понять учителя, штудировал труды самого учителя, усердно, всей мощью ума, усваивал мысль учителя. Compliment читающему философу нельзя отрывать от интенций биографа — неоплатоника.

Комментатор расслышал фальшь. Следом за Доватуром признаем подлинность слов Платона. Яркие детали — «дом читателя», «Ум» — едва ли привнесены создателем *Vita*, который, однако, трактует их *suo sensu*. Каков же их подлинный пафос? Платон, как и Сократ его диалогов, не хвалил «молчащих» книг, плохо способных, в противоположность живой диалектике, выявлять

истину. Его похвала читателю проникнута иронией, отражающей недоверие к письменному слову. Между Платоном и Аристотелем — граница, за которой историко-философский процесс переходит, так сказать, в письменную стадию. Sic Dovatur. Но закончить этим трудно.

Мешают известные из Диогена Лаэртского свидетельства книголюбия Платона. Он охотно узнавал о философии предшественников от «молчаливых» свидетелей, потратил большие деньги на покупку трех пифагорейских книг (D.L. 3, 9), засыпал со стихами Софрона в изголовье (D.L. 3, 18). Частные книжные собрания появились в Афинах, когда Платон был ребенком: собственной библиотекой располагал Еврипид. Чтение и обсуждение текстов принято в Академии, и в нашем «анагносте» заподозрили штатного чтеца — понимание, резонно отвергнутое Доватуром. Что такая практика не вполне чужда и Сократу, показывает дискуссия о стихах Симонида в «Протагоре». Конечно, классиков «невозможно спросить... одни толкуют их речи так, другие иначе» (*Prot.* 347e3). Тем не менее, Сократ справляется лучше остальных, часто адресуясь к Гомеру, Феогниду, Эсхилу, Пиндару. Платоновская критика поэзии также не доказывает, что философ порицал читателей, скорее уж — зрителей и слушателей. Автор «Государства» далек от того, чтобы запретить читать вовсе, он лишь рекомендует «стражам», что читать.

Что и зачем читал Аристотель? Любовь к чтению расе Dovatur не провоцировала насмешливых интонаций, которые улавливает комментатор и мы вместе с ним. Иронию, если не раздражение, Платона вызывало другое. В неоплатонической версии он и хвалит не столько за чтение *en soi*, сколько за причину и цель — усвоить его философию. Учась у Доватура, понимаем цель сами, без помощи тенденциозного биографа. Аристотель много читал, отнюдь не только сократические диалоги и совсем не для того, чтобы убежденнее идти следом. Он хотел объективно воспринимать теории Платона. Сам Стагирит не раз советует начинать работу с длительного накопления материала, чтобы не впасть в спекулятивные рассуждения (*De gen. et corr.* 316a8; *Metaph.* 1091a5). Кто учит долго, встретит учеников, до дерзости ученых. У самого Доватура были такие, и он — сообщает слышанная от очевидцев *Vita* — немало сердился. Заинтересовавшее А. И. свидетельство, действительно, доносит обратное плану писавшего, а именно, что Платон уважительно недолюбливал слишком умных студентов.